

РАЗГРОМ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ (1917–1919): ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И КРЕСТЬЯНСКИЕ ПРАКТИКИ

Ставится задача разобраться в сути и субъектах культурного конфликта 1917–1919 гг. и опровергнуть устоявшееся мнение о разгроме усадеб крестьянами. На основе сопоставления официальных документов советской власти, документов личного происхождения и реальных крестьянских практик в отношении дворянских усадеб и их хозяев (на примере Пензенской губернии) делается вывод о том, что разгром усадеб и коллекций, изгнание хозяев явились результатом провокационной деятельности большевиков. Ликвидация усадеб представлена как культурная трагедия России.

Ключевые слова:

дворянская усадьба, культурная политика РКП(б), крестьянское движение 1917–1919 гг., национализация, усадебная культура, Пензенская губерния

Разгром дворянских усадеб, последовавший после революции 1917 г., справедливо называют «культурной трагедией России в чрезвычайно широких масштабах» [19, с. 7]. Культурные потери определяются, во-первых, громадными невосполнимыми утратами художественного наследия; во-вторых, утратой «письменного следа», т. е. письменных свидетельств об этом наследии, по которым можно хотя бы зафиксировать, понять, что имели. Семейные и родовые архивы содержали коллекции исторических документов и фотографий, научные работы, сведения генеалогического характера, закрепляли в виде дневников, писем, мемуаров многообразный исторический социокультурный опыт нескольких поколений.

Наряду с выяснением вопроса об объеме и содержании утраченного не менее важна задача понимания сути культурного конфликта, его субъектов, мотивации их поведения, объектной сферы. Указывается на «культурно-цивилизационный оттенок» [18, с. 200] революционного процесса, особенно заметный в отношении к усадьбам, так как многие из них были сосредоточением как европейской культуры, так и земли, и богатства, а традиционная культура бытовала в крестьянских низах в условиях бедности, безземелья, необразованности.

Весьма плодотворным является обращение к архивным фондам местных земельных комитетов (волостных, уездных и губернских). Большинство усадеб поступало в ведение волостных земельных комитетов. Составляемые описи интересны не только перечислением мебели, посуды, книг, картин, недвижимых объектов (парк, господский дом, хозпостройки), а

также скота и прочего «живого и мёртвого инвентаря», а именно обстоятельствами хранения и обращения с этим наследием со стороны крестьян. При анализе этих документов картина конфликта двух культур уточняется, детализируется, расставляются по-другому акценты и даже снимаются огульные обвинения.

В статье анализируется поведение крестьян, направленное на культурное наследие дворянства, выявление отношения к этому наследию, способы включения/невключения его в повседневный обиход, приспособления к повседневным нуждам¹ (1). Используются документы Пензенских губземкома и губисполкома [2, 3, 17]. Собраны сведения о почти 500 частновладельческих имениях².

В большинстве работ, посвящённых усадебной трагедии, разгром изображается весьма схематично: крестьяне разграбили и сожгли помещичью усадьбу из «ненависти к прошлому» [19, с. 8]. Однако «ненависть к прошлому» не входила в крестьянскую мотивационную сферу поведения [21]. Именно необъяснимость и неожиданность крестьянской ненависти и явилась камнем преткновения и причиной трагических исходов многих конкретных дворянских судеб³. В задачу данной статьи не входит подробный анализ причин и форм крестьянского движения в революционный период, однако на нескольких важных моментах необходимо остановиться.

(а) Потравы, поджоги, даже единичные случаи убийства помещиков – это отнюдь не признаки революционности крестьянства в 1917 г. Подобное случалось и в XVIII, и в XIX вв., и рассматривается как средство самозащиты в положении

подчинения (когда превышена мера эксплуатации) [22, с.13].

(б) С другой стороны, случаи неоправданной жестокости и немотивированного грабежа, объектами которых были не только усадьбы, могли быть хулиганством, особенно распространившимся в деревне рубежа веков, никак не связанным с актом социальной справедливости⁴.

(с) Наконец, при изложении событий гибели усадеб видно, что часто происходит явная путаница: крестьяне отождествляются с большевистской властью и её органами в селе или уезде (советами, комитетами), якобы одинаково способствовавшими уничтожению дворянской усадьбы.

Одной из главных проблем исследователя, вникающего в тему, становится достоверность официальных документальных источников. При сравнении официальных данных и документов личного происхождения (воспоминаний, писем, устных семейных преданий и проч.) можно найти весьма существенные разночтения, которые ведут к опровержению существующей официальной версии. Так, например, по документам губуправления земледелия известно, что в Бекетовке Сазоновых «помещичий дом сожжён *крестьянами*» [3, оп. 1, д. 185]. Между тем, правнучка владельца усадьбы пишет: «Когда во время революции 1917 г. уничтожались помещичьи усадьбы, он был предупрежден крестьянами и успел спрятать семью. Не дали сжечь и пустой дом, заявив, что барин не враг простых людей, а верный помощник. К сожалению, ночью через некоторое время налет *революционного отряда* повторился, и Сергей Никифорович погиб» (курсив мой – Л.Р.)⁵. (б) Подобные истории далеко не единичны.

Таким образом, официальная версия разграбления *крестьянами* помещичьих домов вследствие классовой ненависти к владельцам нуждается в проверке. К сожалению, «очная ставка» документов по каждой усадьбе невозможна. Важно представить как можно более широкий спектр взаимных действий и отношений друг к другу владельцев и крестьян с целью выяснения подлинной исторической картины.

Этапы и объекты. Разгром усадеб – не одномоментное и неоднородное действие. В процессе борьбы за власть политика большевистской партии в отношении дворянских имений менялась, но при этом всегда в первую очередь имелись в виду земля и хозяйственный комплекс. Как представляется по документам, процесс

уничтожения усадеб в губернии проходил несколько этапов. Первый – это погромы, начавшиеся в период между Февральской и Октябрьской революциями, 8 июля 1917 г., и продолжавшиеся до весны 1918 г. Второй этап (собственно национализация или ликвидация) – с весны и до конца 1918 г., когда процесс перераспределения земли и ликвидации имений был в основном закончен, хотя на местах работа продолжалась и в 1919 г. [16, с.VI]. Подобная периодизация характерна для большинства губерний центральной России, что служит дополнительным аргументом в пользу точки зрения о провокационной роли большевистской партии в уничтожении национального культурного наследия [см., напр., 4, 10, 12].

Инициатором погромов весны-лета 1917 г. следует считать партию большевиков, которая в борьбе с эсерами за власть и за влияние в крестьянских массах призвала последних к незаконному самостоятельному захвату земли и усадеб, объясняя, что «это не есть самоуправство, это есть восстановление прав, и с восстановлением прав нельзя ждать»⁶.

В ноябре 1917 г. пензенская группа РСДРП (б) напечатала обращение о проведении в жизнь на местах декрета II съезда Советов о земле, с противоположными лозунгами: «**Никаких погромов! Никаких насилий!** Требуйте от своих Советов общегубернского крестьянского съезда. До съезда от захвата земли воздерживайтесь». 27 декабря 1917 г. открывается IV Губернский крестьянский съезд, выступая на котором большевик В. В. Кураев вновь призывает: «Необходимо немедленно провести то, что делается по всей России, – взять власть, конфисковать помещичьи земли» [14, с. 54].

8 января 1918 г. для решения земельных вопросов была организована губернская земельная коллегия и в ней отдел по ликвидации частновладельческих имений. 27 марта 1918 г. была принята резолюция I Губернского съезда Советов по земельному вопросу, где ставилась задача ликвидации имений, которые объявлялись всенародной собственностью, поступающей в распоряжение волостных и уездных комитетов. Таким образом, с ранней весны 1918 г. с организацией земельных отделов и комитетов новая власть берёт под свой контроль уничтожение усадеб как хозяйственных единиц.

29 июня 1918 г. II Общегубернский съезд Советов крестьянских депутатов принимает «Временную инструкцию по

46 | проведению основного закона о социализации земли». Она же утверждала «законные» основания изъятия частной, личной собственности, находившейся в помещичьих домах, и требовала выдворения владельцев из усадеб.

Очередь до художественных и книжных коллекций, архивов дошла только к осени 1918 г., т.е. после года неразберихи, войны, разрухи и т. д.⁷ 16 ноября 1918 г. было утверждено постановление Губисполкома «О реквизиции, конфискации и национализации библиотек».

Реальные практики. В литературе отмечается, что в период весны–лета 1917 г. в деревне не заметно влияние какой-либо партии, крестьяне действуют вполне автономно и самостоятельно [12, с.10]. Но уже в конце осени 1917 г. субъектом действий становится новая власть, при этом помещики и крестьяне находятся на противоположной стороне, в качестве объектов приложения сил и постановлений этой власти.

Таким образом, период с весны до осени 1917 г. – та редкая ситуация, когда крестьянство из объекта приложения волеизъявлений и эмоций господствующих классов и власти превратилось в субъект по отношению к этим общественным институтам. Этот краткий период представляет интерес с точки зрения поведения крестьян, получивших возможность действовать по собственным принципам, в отношении, в том числе, объектов культурного наследия.

По доминирующим действиям его можно разделить на весну–лето и осень 1917 г. Как свидетельствуют документы, весной преобладали мирные настроения, владельцы и крестьяне шли на уступки, и соглашения достигались сравнительно легко. Объектом действий крестьян была земля, включая леса и луга [10, с. 172; 11, с. 62]. На заседаниях Губземкомитета (Временного правительства) весны–лета 1917 г. констатировалось, что никаких насилий к частным владельцам в этот период не было, жалобы многих оказались преувеличенными. Характерно, что исследователи, занимающиеся судьбой усадебных ценностей, с удивлением констатируют, что даже сразу после большевистского переворота местное население не нанесло значительного ущерба провинциальным и столичным усадьбам [15, с.31].

Нередким было миролюбие по отношению к помещикам, желающим уехать или остаться, но не препятствующим разделу земли, передающим её в ведение органов самоуправления. Так, с мая по июль без

всяких осложнений были взяты на учет исполнительными органами Временного правительства на местах имения Х.А. Вестфалена, М.В. Катковой, А.К. Кнорре, Е.А. Балашовой⁸. Не было разграблено крупнейшее в губернии имение гр. М.А. Келлер. Часть имений была взята на учет в октябре, до этого имения не были разграблены. Как правило, передачу осуществляли лично владельцы или управляющие [3, оп. 1, дд. 168, 169, 171, 172, 176, 182–185, 187, 188, 193; 2, оп. 4, д. 29].

Во многих случаях крестьяне не препятствовали проживанию помещиков в своих усадьбах и только много позже, с марта 1918 г., под давлением постановлений советской власти и приехавшего инструктора выселяли помещиков. Так было в Васильевке Языковых [3, оп. 1, д. 169, л. 4]. Имение не грабилось, и весь период его запустения пришлось на хозяйствование советской власти, в т. ч. и растаскивание по советским учреждениям художественно ценной мебели.

Крестьяне не препятствовали помещикам оставаться в усадьбах на правах членов крестьянского общества. По приговору этого общества им выделялись земля, скот и инвентарь по норме. Так было с владельцем благоустроенной усадьбы в с. Трофимовщина Е.Н. Кикиным [3, оп. 1, дд. 171, 166]. Тем не менее, в 1919 г. его книжное собрание было реквизировано советской властью и пропало в недрах уездного отдела народного образования [7, с. 64].

В некоторых случаях разгром крестьяне начинали «по образцу», в ответ на попытку помещика продать имущество. В имении гр. Н.В. Толстой «имущества совершенно никакого не осталось, и кто прав, кто виноват в хищении имущества, трудно понять». Все ценное было вывезено прежним управляющим еще при Временном правительстве неизвестно куда. Остатки расхищены местными крестьянами [3, оп. 1, дд. 171, 172, 189, 190].

Волна крестьянской анархии поднялась в Пензенской губернии в ответ на решение IV Губернского крестьянского съезда в декабре 1917 г. о необходимости передать все имения в волостные земельные комитеты, которые и решат дальше, что с ними делать: ликвидировать с продажей имущества или оставить как образцовые хозяйства. Поскольку перед этим во многих имениях крестьяне уже «просто так» разобрали скот, инвентарь и поделили землю (ориентируясь на провокационные лозунги большевиков «грабь

награбленное!» и на свое понимание справедливого уравнительного идеала собственности на землю), – то теперь они не соглашались платить за взятые деньги. Отсюда и привычный рефлекс поведения: делёж по справедливости между всеми, или уничтожение, чтобы не досталось чужим, каковыми тогда были представители земельных комитетов. Своеобразная «справедливость наоборот» [17, с. 175]. Именно поздняя осень и декабрь 1917 г. характеризуются волной расхищения усадебного имущества.

При анализе материалов определенную трудность представляет понятие «погром усадьбы», которым в исторических работах обозначают достаточно разные действия крестьян, направленные на разные объекты имения. Они имели для крестьянина неравную ценность. Главная из них – земля, далее пригодный в крестьянском хозяйстве инвентарь, скот. На это, в первую очередь, были устремлены действия погромщиков. Самыми малозначимыми были предметы дворянского обихода, библиотеки, коллекции, архивы.

Кроме того, необходимо всякий раз точно определять социальный статус исполнителей. Деревенское население той поры было далеко не однородным. Кроме крестьян-земледельцев, носителей традиционной культуры, в деревнях жили люди, испытавшие революционное влияние города: крестьяне-отходники, жившие ранее в городах; интеллигенция (врачи, учителя, телеграфисты, ветеринары); демобилизованные солдаты Русско-японской и Первой мировой войн. Именно пришедшие с развалившегося фронта солдаты упоминаются во многих документах личного происхождения впереди почти каждого разгрома.

Поджоги и разграбление имущества владельцев не являются собственно революционной формой протестного поведения крестьян. Непосредственной причиной разорения усадеб был страх крестьян, «что в оставшиеся не разоренными имения снова явятся помещики» [3, оп. 1, д. 169, л. 3 об; II, с. 61]. Таким образом, культурное наследие не было прямым объектом и целью насилия крестьян. Культурные ценности, характеризующие образ жизни дворянства (книги, картины, художественная мебель и проч.), не использовались, но сохранялись. Все это было реквизировано новой властью на следующем этапе национализации.

Масштабы разрушения, весьма, впрочем, неполные, можно представить, учи-

тывая два показателя: наличие сохранившегося дома владельца и проживание бывшего хозяина в усадьбе. Наличие неразрушенного господского дома свидетельствует о том, что по поводу владельца и его имущества не было насильственных организованных действий, или ему дали возможность уехать из имения. По моим самым предварительным и не окончательным подсчетам, к концу 1917 г. приблизительно в 30 % пензенских имений сохраниены помещичьи дома (в 141 из 460). При этом необходимо иметь в виду, что дома владельцев были не во всех учтённых имениях. На конец 1918 г. из 278 имений, на которые у меня есть сведения, в 96 дом сохранен, т. е. 25,4 %.

Итак, прямые действия в отношении культурного наследия усадеб стали совершаться с конца 1917 г. Как правило, в этот период крестьяне не допускают в имение никого: ни бывших хозяев, ни представителей новой власти. Так было в араповском имении Проказна, где господский дом, стоявший нетронутым, был разграблен в ответ на решение новой власти об организации народного хозяйства в 1918 г. [3, оп. 1, д. 169, 171, 187, 188, 192]. Во многих случаях сообщалось, что без вооруженной силы подавить сопротивление крестьян и взять имение под контроль уездных земельных комитетов нельзя [3, оп. 1, д. 188, л. 22–23].

Были случаи, когда крестьяне, захватив усадьбу, сами привозили господам их собственность из усадьбы в город. Например, в декабре 1917 г. помещикам Обуховым крестьяне по своей инициативе привезли всю обстановку и библиотеку, чтобы «не растаскали по рукам» [8, с. 221].

Примечательно, что во многих случаях господские дома не захватывались крестьянами под жилье. И это понятно: крестьянский образ жизни невозможен в барском доме, их содержание было не под силу крестьянским обществам. Они оставались в так называемом «ведении» волостных или уездных земкомитетов, то есть бесхозными, и постепенно разрушались и гибли; либо передавались властью «на культурные нужды» для устройства школ, библиотек, больниц. Например, в Васильевке Языковых был организован детский дом, что привело к полному уничтожению к 1924 г. и дома, и парка [1].

Не все усадьбы были разграблены крестьянами. Часто господский дом занимали приходившие для умирения крестьян и ликвидации имений революционные от-

48 | ряды. Хранившееся там имущество, как и окна, двери, перегородки они использовали на дрова, нары; из железа с крыши делали ведра и т. д. Такова судьба дворца Устиновых в Грабовке. [3, оп. 1, дд. 186, 656]

Приходится констатировать, что во многих случаях гибель библиотек и других культурных ценностей – на совести представителей советской власти, а не крестьян. Именно в процессе планомерной «законной» ликвидации имений, проводимой новой властью с весны 1918 г., и была уничтожена значительная часть культурного наследия, до того собранная и сохранявшаяся крестьянами во многих усадьбах. Точная статистика здесь вряд ли возможна. Аргументом могут служить имеющиеся в ликвидационных делах описи имущества господских домов. Значит, оно не было к этому времени разграблено. Однако действия новой власти по вывозу его из усадьбы провоцировали растаскивание и разграбление имущества крестьянами, справедливо полагающими, что помещичье добро принадлежит при разделе, в первую очередь, им, а не уездной или губернской власти.

Передачи национализированных книжных собраний в волостные, сельские, школьные библиотеки не должны нас обольщать.

На деле это означало то же уничтожение, только отсроченное. Книги либо расхищались по дороге (на курево, разжигу, обклейку, упаковку), либо позже списывались как неустребованный, идеологически чуждый, мало оборачиваемый фонд. [13, с. 176–182; 3, оп. 1, д. 177, лл. 15–19; д. 169, л. 4].

Необходимо сказать, что вышеприведённые случаи никак не отменяют фактов грабежа и поджога усадеб и крестьянами. Полагаю, что проведенное исследование, неизбежно фрагментарное и неполное, позволяет сделать вывод, что в ходе событий 1917–1918 гг. культурные ценности дворянства не были прямой целью уничтожения и объектом прямого насилия со стороны крестьянства. Разгром дворянских усадеб в 1917–1918 гг. представляется более сложным процессом, чем лобовое столкновение дворянства и крестьянства, учёной и низовой культуры, или результат «многовековой» классовой ненависти, повлекший за собой уничтожение культурного наследия. Приходится констатировать, что, несмотря на почти столетие, прошедшее с того времени, многое только начинает открываться для исследователя, желаемого составить подлинную картину одной из великих национальных трагедий, происшедшей в 1917 г.

Список литературы:

1. Гвоздев Б.Н. Поездка по Пензенской губернии. Июнь 1924 г. Рукопись. Архив Пензенского краеведческого музея.
2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО), ф. р.-2 Исполнительный комитет Пензенского губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.
3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО), ф. р-309 Пензенской губ. земельный комитет.
4. Гужова И.В. Судьба памятников усадебной культуры в Калужской губернии в первые годы Советской власти // Русская усадьба: Сб ОИРУ. Вып. 13–14 (29–30). – М.: Улей, 2008. – С. 84–100.
5. Данилов В.П., Шанин Т. Научно-исследовательский проект «Крестьянская революция в России. 1902–1922» (Вместо предисловия) // Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. – М., 2002. – 944 с.
6. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: Исторические очерки. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 784 с.
7. Друганов И.А. Библиотеки ведомственные, общественные и частные и судьба их в советскую эпоху // Советская библиография. – 1934. Вып. 2. – С. 43–78.
8. «Живу в душе друзей моих...» / Объединение гос. литературно-мемориальных музеев Пензенской области. – Пенза, 2004.
9. Ильина О. Канун восьмого дня. – Казань: Заман, 2003. – 400 с.
10. Климушкин П.Д. История аграрного движения в Самарской губернии // Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917 - 1918 гг.). – Самара: Офорт, 2005. – 308с.
11. Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918 – 1922 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 544 с.
12. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917-1918): Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина – М., 2003. – 480 с.
13. Курмаев М.В. Национализация усадебных библиотек на территории Пензенского края (1918–1920) // Библиотека в контексте истории: Материалы 5-й международной научной конференции. Москва, 21–23 октября 2003 г. – М.: Пашков дом, 2003. – С. 176–182.
14. Морозов В. Ф. Большевик Василий Кураев. – Пенза, 1961. – 167 с.
15. Мосякин А. Антикварный экспортный фонд: антология документов и фактов // Наше наследие. – 1991, № 20.
16. Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основного направления его восстановления. Ч.1

17. Подготовка и победа Великой октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии: Сб документов и материалов. – Пенза: Кн. изд-во, 1957. – 302 с.
18. Рейман М. Заметки по интерпретации 1917 года // Отечественная история. – 1994, № 4. – С. 195 – 204.
19. Рузвельт П. Судьба усадеб России и их сокровищ. 1917–1930// Русская усадьба: Сб ОИРУ. Вып. 15 (31). – М.: Улей, 2009.
20. Сухова О.А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). – Пенза: ПГПУ, 2007. – 374 с.
21. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. – М.: РОССПЭН, 2008. – 677 с.
22. Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – С. 11–15.

¹ В мою задачу не входит рассмотрение степени правоты или вины обеих сторон конфликта, приведшего к катастрофическому результату. «Каждая из противоборствующих сторон имела свою *Правду* и свою *Неправду*. Их невозможно совместить и примирить, но можно и нужно понять, принимая столкнувшиеся силы такими, какими они были на самом деле» [5, с.5].

² Понятие частновладельческого имения включает в себя наряду с дворянской усадьбой и усадьбу арендатора земли, и просто земельный надел. Однако в подавляющем большинстве случаев имеются ввиду именно дворянские имения с усадебным комплексом. Провести чёткую границу между указанными типами по имеющимся документам не представлялось возможным. По подсчётам, в Пензенской губернии к 1917 г. было 1124 частновладельческих имения.

³ Например, отец мемуаристки О. Ильиной, внук Е.А. Баратынского, предводитель дворянства, остался на территории, захваченной Красной Армией, рассчитывая, что местные жители не выдадут в благодарность за его деятельность в их защиту, но был арестован и расстрелян [9].

⁴ «Нельзя не признать, что революция 1905–1907 годов придала дополнительное ускорение процессу размытия традиционного уклада крестьянской повседневности, привела к дальнейшему росту преступности в империи, появлению такого феномена, как хулиганство» [20, с. 139].

⁵ Письмо О.Л. Сазоновой сотруднику Пензенского краеведческого музея А.В. Тюстину от 2.10.03. Благодарю его за предоставленные материалы.

⁶ Н.И. Бухарин в работе «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925) признавался, что вопреки эсерам, твердившим, будто нельзя «выкуривать помещика без особого закона из его помещичьих имений», и пугавшим резнёй и земельным хаосом, только большевики «кричали крестьянам на всех митингах и собраниях, что крестьяне должны, ничего не дожидаясь и никого не слушая, сами забирать эту землю у помещиков.<...> Наша партия вела энергичнейшую работу по разъяснению крестьянам всей необходимости разгрома помещика, изгнания его с земли» [цит. по: 6, с. 617]. Ср.: здесь же, с.565.

⁷ 5 октября 1918 г. издан декрет СНК «О регистрации, приёме на учёт и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений»; 5 декабря 1918 г. декрет «Об охране научных ценностей»; 27 декабря 1918 г. инструкция Наркомпроса «О порядке реквизиции частных библиотек»; 4 апреля 1919 г. утверждена коллегией Главархива «Инструкция для осмотра усадебных архивов». [6, с.579, 603].

⁸ В акте передачи имения зафиксировано, что В.Х. Вестфалену предоставляется вывести на 8 лошадях и 8 повозках домашнюю движимость и вещи, мелкие выделанные овчины, 2 поросят, кур и петухов, корову Жданку и телка от нее, а также 10 возов сухого торфа. В связи с этим ему разрешено проживать в имении до 26 июня 1918 г. [3, оп.1, д.172; 2, оп. 4, д. 29, л. 43–46].